

Научная статья

УДК 94(3)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37>

ВАРВАРСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III ВЕКА

**Юлия Викторовна
Куликова**

Московский педагогический государственный
университет
Москва, Россия, yuv.kulikova@mpgu.su
<https://orcid.org/0000-0001-7873-2760>

Аннотация. Целью данной статьи является выявление факторов изменения идентичности в наиболее сложный для Римского государства период, названный в историографии «кризисом III века». Государственная идентичности Римской империи определяется как комплекс взаимосвязей, лежащих в основе управления государством, способом консолидации общества. С середины третьего столетия происходит активизация вторжений варварских племен. Все более осложнявшаяся внешнеполитическая обстановка на западе и востоке Империи вынуждает искать новые векторы политики, чтобы сохранить государство, находящееся на грани распада. Однако нестабильность верховной власти и падение авторитета императоров не способствуют этому. В этой связи варварские племена оказываются триггером для Римской империи. Разрушая оборонительную систему, грабя и опустошая территории, они ухудшали и без того сложную демографическую и экономическую ситуацию, неспособность отдельных императоров предотвратить эти вторжения и разорение населения приводит к быстрой смене власти, более того, к сепаратизму в провинциях, проявившимся в образовании «Галльской империи» на западе и Пальмирского царства на востоке. С целью сохранить идентичность, выражавшуюся в привычных методах хозяйствования и торговли, функционирования административной системы, римские императоры стали активнее интегрировать варваров, заключая с ними союзы, создавая из их числа воинские подразделения, расселяя на свободных землях, привлекая их для защиты границ. Однако расселение варварских племен вдоль западных границ Римской империи изменяет специализацию ремесленных производств, способствуют упрощению ремесленных изделий, сокращению торговли с более дальними провинциями. В приграничных районах происходят процессы этногенеза, формируя антиримские коалиции. В то же время римское влияние усиливает разложение первобытнообщинных отношений внутри варварских племен, и их стремление к грабежам и захвату земель усиливается создаваемыми коалициями и союзами.

Ключевые слова: Римская империя, Великое переселение народов, государственная идентичность, варварские коалиции, вторжения германцев, римские императоры, Дунайский лимес, Рейнский лимес, римская армия, III в.

Для цитирования: Куликова Ю. В. Варварские вторжения как фактор изменения идентичности Римской империи III века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 20–37. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37>

Сведения об авторе: Ю. В. Куликова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, Московский педагогический государственный университет, 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1.

© Куликова Ю. В., 2025

Scientific Article
UDC 94(3)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37>

BARBARIAN INVASIONS AS A FACTOR IN CHANGING THE IDENTITY OF THE ROMAN EMPIRE IN THE THIRD CENTURY

Yulia V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia, yuv.kulikova@mpgu.su
<https://orcid.org/0000-0001-7873-2760>

Abstract. The purpose of this article is to identify the factors of identity change in the most difficult period for the Roman state, called in historiography "the crisis of the third century". The state identity of the Roman Empire is defined as a set of interrelations that underlie the management of the state, a way of consolidating society. From the middle of the third century, there was an intensification of invasions by barbarian tribes. The increasingly complicated foreign policy situation in the west and east of the Empire forced them to look for new policy vectors in order to preserve the state, which was on the verge of collapse. However, the instability of the supreme power and the decline in the authority of the emperors do not contribute to this. In this regard, barbarian tribes turn out to be a trigger for the Roman Empire. By destroying the defensive system, plundering and ravaging the territories, they worsened the already difficult demographic and economic situation, the inability of individual emperors to prevent these invasions and the devastation of the population led to a rapid change of power, moreover, to separatism in the provinces, which manifested itself in the formation of the "Gallic Empire" in the west and the Palmyrene Kingdom in the east. To preserve the identity, which was expressed in the usual methods of management and trade, the functioning of the administrative system, the Roman emperors began to integrate the barbarians more actively, concluding alliances with them, creating military units from among them, settling them in free lands, and involving them to protect the borders. However, the settlement of barbarian tribes along the western borders of the Roman Empire changed the specialization of handicraft industries, contributed to the simplification of handicrafts, and the reduction of trade with more distant provinces. In the border areas, processes of ethnogenesis took place, forming anti-Roman coalitions. At the same time, Roman influence intensified the disintegration of primitive communal relations within barbarian tribes, and their desire for plunder and seizure of land was strengthened by the coalitions and alliances created.

Keywords: Roman Empire, The Great Barbarian Invasions, state identity, Barbarian Coalitions, Germanic Invasions, Roman Emperors, Gallic Emperor Postumus, Danube Limes, Rhine Limes, Roman Army, 3rd century A. D.

For citation: Kulikova, YuV 2025, 'Barbarian Invasions as a Factor in Changing the Identity of the Roman Empire in the Third Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 20–37, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-20-37> (in Russ.)

Information about the Author: Yulia V. Kulikova – PhD in History, Associate Professor of the Department of Ancient History and Middle Ages of V. F. Semenov, Moscow Pedagogical State University, 1, building 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russia.

Период третьего века, по мнению исследователей, является «ключевой фазой» первого этапа Великого переселения народов [2, с. 31]. К этому времени германский племенной мир в военно-политическом отношении не был един, одни германцы разрывали прежние договоры с Римом, отвергая навязанный им оседлый образ жизни и контролируемый выбор лидера¹, другие только появлялись на территории Империи, нанося спорадические удары из-за Рейна и Дуная, либо стремясь грабить более углубленные районы западных провинций, но все они начали активный процесс объединения в различные союзы. Так квады, присоединяясь к другим племенам, опустошали земли Подунавья [36, VI, 7; 33, IX, 8, 2; 47, VII, 22, 3; 44, XVI, 10, 20; XVII, 12, 1). В третьем веке часть свевских племен вместе с гермундурами вошла в объединение аламаннов² и в его составе они неоднократно вторгались в Империю, разрушив часть фортов на лимесе [3, с. 15, 32; 48, р. 181] и заставив римские гарнизоны переместиться в новые [49, LXXVII, 13; 33, IX, 8, 2; 61, I, 37]. В середине III в. римляне вынуждены противостоять вторжению готов на Балканах, что приводит к осложнению ситуации³.

Необходимо понимать, что германские племена активно расселялись на территории Римской империи уже давно, в частности, на опустевших после «Антониновой чумы» землях, как сообщает Дион Кассий [49, LXXI, 11, 4; 21; LXXII, 3, 2]. Так часть тевтонов расселилась в районе рек Маас, Майн и Неккар. Хавки заселили восточные берега Рейна [54, IX, 1, 7; 28, Stilich. I, 225], но в III веке были покорены саксами. В то же время часть вандалов – силинги – заняли земли на территории совр. Силезии, другая часть вандалов – асдинги – к востоку от Верхней и Средней Тисы [31, fr. 24; 3, с. 34], а затем после конфликта с местными племенами, поселились с разрешения римской администрации на северо-западе Дакии. На протяжении III в. вандалы неоднократно устраивали нападения на Паннонию и Рецию. С переменными успехами их вторжения отражали императоры Проб и Аврелиан [31, fr. 7; 54, XXVI, 2; XXVII; 61, I, 67].

В это же время у франков, расселившихся по нижнему и среднему течению Рейна в III–IV вв. складывается племенной союз [1, с. 162]. Об отражении вторжений франков свидетельствуют возведение первым галльским императором оборонительных сооружений на Рейне [48, р. 181].

Германцы также стали менять тактику, и, благодаря навыкам навигации, использовать корабли, чтобы грабить прибрежные города вдоль рек Рейн, Сена, побережья Белгики и Британии [33, IX, 21; 47, VII, 25, 3; 44, XXVI, 4; 35; 14, с. 215]. Однако римляне старались держать под своим контролем и влиянием племена, живущие за Рейном. Еще со времен Августа, например, батавы⁴ состояли во вспомогательных отрядах и нанимались в качестве телохранителей [36, IV, 13; 46, Ос., V, 172], а также как «σὺνμῖχοι» и «φρουρά» при Каракалле [36, IV, 7; 49, LXXVIII, 5), при Максимине Фракийце, Пупиене [36, VII, 8; VIII, 1, VIII, 6], Постуме [54, XXIII, 7–8]. Императоры также расселяли побежденных германцев в качестве своих колоннов в принадлежавших им имениях.

К середине III в. императоры, переставив тактику римской армии, старались использовать германцев не только во вспомогательных отрядах на наиболее проблемных участках приграничной зоны, романизированные варвары, благодаря эдикту Каракаллы или усыновлению состояли на службе в легионах или в реформированной императором Галлиеном коннице.

Наиболее активно процесс расселения германцев на территории Римской империи начался благодаря мероприятиям императора Галлиена [15, с. 75], который заключал многочисленные союзы с германскими племенами, разрешая селиться в Галлии и Паннонии (где располагались владения военачальников) и чьи военные силы стали опорой вместо большей части конницы, ушедшей во время восстания

вместе с Авреолом. Галльские императоры также нанимали германцев для службы [60, XII, 24; 61, I, 38], из точно идентифицированных батавов и франков⁵, создав из них специальные ударные отряды. Германцы также служили в других подразделениях и на флоте⁶. Клавдий II Готский начал в еще больших масштабах практиковать расселение пленных на римской земле [54, XXV, 25, 1, 3], так, как аргументированно указывают Ю. К. Колосовская и Е. М. Штаерман, множество пленных германцев были размещены во Фракии, Мёзии и Паннонии, где они несли военную службу на границе [4, с. 648]. Продолжили такую политику Аврелиан [31, fr. 2] и Проб [54, XXVIII, 13], последний переселил в Мёзию 100 тыс. бастарнов, а в 295 г. император Галерий разбил на Нижнем Дунае карпов и бастарнов и поселил на римских землях множество пленных, в том числе карпов — в Паннонии.

Среди этих незваных гостей особую категорию составляли целые племена или очень большие части племен, допущенных в империю в качестве поселенцев. Они были предназначены, по мнению Р. Макмаллена, для заполнения пробелов, образовавшихся в армии и сельской местности из-за несомненной нехватки рабочей силы [42]. Стоит отметить, что и в этот период, и в IV в. предметом договора с германцами была земля [44, XVI, 12, 3]. В то время как основная масса варваров была расселена на пустынных землях и в приграничных провинциях, другие присоединились к армии, некоторые были обращены в рабство. Если большинство из них продолжало жить в больших конгломератах, то некоторые были закреплены за отдельными участками или хозяевами в пределах империи вплоть до Италии; и в то время, как некоторые были насильственно высажены в самых пустынных районах, другие группировались вокруг городов. Большинство платило дань, но постепенно происходил переход к тому, что именно римская власть обязывалась выплачивать определенные дары одеждой или зерном, как указывает Аммиан Марцеллин [44, XXVI, 5, 7]. Все расселенные племена, очевидно, подвергались определенному контролю, редко частному или муниципальному, чаще военному. В большинстве случаев мы обнаруживаем, что это большая группа, созданная в регионе [42] под руководством префекта с крепостью поблизости, чтобы напоминать им об их обязательствах перед Римом [47, VII, 25, 12]. Условия их урегулирования были согласованы в первоначальном договоре, составленном между их лидерами и представителями Рима. Некоторые германцы занимали весьма высокое положение в политико-административной системе Римской империи [15, с. 75].

В третьей четверти III в. Римская империя контролировала несколько лимесов, с каждым из которых были свои проблемы, из-за чего изменялась их линия, появлялись отдельные секции, которые удобнее укреплять и защищать, обозначились и наиболее слабые места, особенно когда натиск германских племен значительно усилился. Даже в источниках отмечены годы наиболее катастрофических вторжений, которые приходится на правление императора Деция в 251 г., Валериана и Галлиена в 257–259 гг. [56, XXXIII, 3; 47, VII, 22; 60, XII, 24], когда германцы проникли даже в Испанию и Африку, Проба в 282 г. [58, р. 11–12]. Мощный удар от варваров лимесы на Рейне и Дунае также ощутили в 257 г. Именно после этого события начались восстания наместников, так что очевидно, что пленение Валериана не являлось причиной мятежей. Вероятно, защита подконтрольных легионов и недовольство местного населения организацией и сохранностью оборонительных сооружений могли подтолкнуть военачальников к бунту. Пленение Валериана могло стать лишь дополнительным поводом.

В то же время готы, получив в свое распоряжение корабли, атаковали Римское государство и с моря. Сложность представлял и тот факт, что к германским объединениям присоединялись беглые рабы, дезертиры и другие маргинальные элементы. В 267 г. готы разорили целые районы и города Малой Азии, столкнувшись с силами

Одената. Организованные морские силы противостояли варварам у побережья Фракии и Византии, усиление фортификаций которых проводилось по личному приказу императора Галлиена. В это же время герулы и готы разоряли земли по Дунаю [14, с. 206]. Именно Клавдий II уничтожил готов у побережья Греции и островов, остатки варваров оказались зараженными новым витком эпидемии, названной в этот период «Киприановой чумой».

Протяженность укреплений на лимесах требовала значительных, а главное, регулярных финансовых вливаний, ресурсов, прежде всего строительных материалов, но главное, непосредственно военной силы, причем боееспособной. Интересно, что современные научные концепции решительно против неспособности Римской империи поддерживать лимесы в должном порядке из-за их значительной протяженности [57, р. 133–135]. Более того, зачастую проблема в том, что происходит путаница между политическими, военными и административными границами, которые на самом деле следует очень четко, но не всегда возможно различать. Учитывать необходимо и тот факт, что войска сосредоточены были только на тех секциях лимеса, которые могли оказаться под ударом варваров, на других лимесах, особенно на Востоке, войск могло и не быть. Наибольшее количественное изменение войск на римских границах представляется возможным сравнить в эпоху Антонинов (ок. 72 тыс.) и после реформы Диоклетиана, когда численность войск была увеличена примерно до 250 тыс. [Ibid., р. 135]. Явным становится факт необходимости увеличения численности войск не только на границах, поэтому можно предположить увеличение численности пограничных войск в середине III в. с учетом использования дополнительного набора из германцев в «Галльской империи» и полиэтническое войско Пальмирского царства в правление Зенобии.

Основные вторжения сконцентрировались на Рейнско-дунайском и балканомалоазийском направлениях, в то время как на других приграничных зонах опасность представляли сарматские племена, готы и империя Сасанидов.

Лимес на Рейне и Верхнем Дунае представлял собой пограничную оборонительную зону с фортификационными сооружениями, сетью дорог и системой связи. На более сложных участках он состоял из несколько оборонительных рядов. 1-я линия – частокол высотой до 4 м и V-образный ров шириной 6 м, глубиной 3 м. Затем следовали сторожевые башни высотой 6–7 м, связанные между собой дорогой и являвшейся изначально лимесом. На рейнском участке вместо частокола была выстроена невысокая каменная стена [53]. Сам лимес делился на секции: Верхнерейнскоретийский подвергся сильным разрушениям и несмотря на попытки исправить положение, восстановить систему оказалось фактически невозможно.

Декуматский участок⁷, расположенный на одноименных полях, составлял около 382 км с небольшой концентрацией вспомогательных частей, удаленными (даже слишком) лагерями легионов и отсутствием естественного защитного рубежа в виде крупной водной преграды, представлял собой слабое звено в обороне Рима на Рейне.

В середине III в. римляне перевели часть легионов в Паннонию, чем еще больше ослабили рейнский участок. Аламанны прорвали лимес [22, с. 80–84; 51, р. 162–165], разрушили Авентикум (совр. Авенш, Швейцария) и вышли на просторы Галлии. VIII Августов легион из Аргентората (Страсбург), чьей обязанностью и была охрана лимеса, не предпринял никаких действий против варваров. Видимо, он колебался между Галлиеном и Постумом. Верхнерейнский регион стал на какое-то время буферной зоной вне влияния Галлиена и Постума [7, с. 57; 17, с. 452]. Такой же зоной являлись Декуматские поля.

Их важность подчеркивается политикой императоров этого периода, явно направленной на установление контроля. Так на этой территории было найдено два

милевых камня Валериана и Галлиена: в Гейдельберге [30, XIII, 9111] и Лоподунуме [30, XIII, 9103]. Источники также упоминают укрепления, построенные первым галльским императором Постумом за 7 лет [54, XXIV, 5, 4], а археологами найдены милевые камни на стратегически важной оси Майнц-Страсбург-Аутст-Виндонисса - в Хагенбахе, а другой, идентифицированный Х. У. Нубером в Бисхайме/Эденбурге [19, 2002, №1961), а на правом берегу Рейна милевой камень с именем галльского императора Викторина [19, 1971, №279; 20]. С другой стороны, на указанной территории найдены монеты Постума и одного из его преемников – Мария [26, р. 131; 27, р. 235; 40, р. 927–929]. Все это позволяет предположить, что Декуматские поля находились под контролем «Галльской империи», т. к. только в таком случае этот регион мог выполнять роль буферной зоны. Археологические данные предоставляют подтверждение сведений античных историков и нумизматических данных о фактическом периоде затишья в нападениях германских племен на рейнскую границу [22, s. 80–82; 53, р. 179]. Крупные победы над германцами были одержаны Постумом в 260/261 гг. и 262/263 гг. Другие сражения не поддаются хронологии из-за отсутствия точных сведений.

Декуматские поля были оставлены римлянами в этот же период, хотя попытки контролировать территорию предпринимались, очевидно, для создания безопасной зоны. В конце III в. римляне возвели новую линию укреплений, таким образом, отказавшись от идеи отвоевания этой территории. Основные базы были перенесены обратно на берега Рейна и Дуная, которые было гораздо легче защищать в военном отношении. Интересно, что до сих пор археологи пытаются восстановить точные линии и сектора римского лимеса.

Археологические данные указывают, что некоторые части лимеса были разрушены во время вторжений, а их восстановление впоследствии проходило поэтапно и достаточно долго. Стало известно, что отдельные секции лимеса защищались только небольшими фортами. Так форты на дороге от Кёльна до Булони не раз подвергались разрушениям, и только в 275 г. после франкского вторжения, стали реконструироваться [ibid.]. Исследователи отмечают, что капитуляция последнего галльского императора Тетрика оставила незащищенными целые районы, в частности, р. Мозель, поскольку там, где происходит ликвидация власти, уничтожаются и перестают функционировать структуры, а римская администрация не сразу сумела их восстановить [39, s. 95]. Уже в конце третьего столетия пришлось выстраивать новую линию обороны - Дунай-Иллер-Рейн, тогда же изменяется и система командования [41].

Дунайский лимес⁸, предназначенный для защиты придунайских провинций – Реция, Паннония, Мёзия, Норик и Италии, был разделен на сектора обороны, которые соответствовали границам провинций, но при этом имеет достаточно прерывистую линию, без четкого распределения крепостей и фортов, которые могли бы обеспечить быстрое реагирование и логистические связи, все это демонстрирует слабости этого сооружения. При этом старые линии зачастую были заброшены (возможно, это было связано с сильными разрушениями, которые не было возможности или рентабельности восстанавливать при отступлении римлян), или превращались во внутренние укрепления [5]. Также существовал участок лимеса в Задунавье, и несколько секторов лимеса в Дакии [ibid.]. Сложности возникли именно в период правления императора Аврелиана, когда пришлось оставить часть Дакии, поэтому вопрос о лимесе и его обороноспособности будет вновь затронут позднее.

Необходимо понимать, что вся система обороны была связана прямыми, перекрестными и даже закольцованными линиями, позволяющими контролировать, передвигаться и быстро перемещаться из одного пункта в другой, при этом наиболее важное место занимали небольшие поселения вокруг более крупных и стратегически

значимых городов, они не только заготавливали и снабжали ресурсами, но являлись необходимыми элементами сдерживания и контроля в периоды вторжений, мало того, они были тесно связаны между собой системой коммуникаций. На это указывают археологические данные, согласно которым даже реконструкция производилась именно теми секциями и участками, которые были связаны между собой [7, гл. 1.7; 25]. В условиях постоянных вторжений поддерживать столь протяженную и нуждающуюся в укреплении линию лимеса было довольно трудно.

Система лимеса состояла из крупных городов-крепостей и фортов в зависимости от сектора⁹ (некоторые могли состоять только из фортов). Крепости были большими, вмещавшими легион, а то и больше (Ксантен на Рейне мог вместить два полных легиона) [32, ch. 7]. С другой стороны, вспомогательные форты были построены для размещения когорты численностью либо в 500, либо в 1000 человек. Находки военного снаряжения позволяют предположить, что небольшое количество легионеров иногда базировалось во вспомогательных фортах, и аналогичным образом, возможно, иногда вспомогательные войска жили и работали в некоторых крепостях легионеров. Но при всем при этом, как отмечает известный исследователь Р. Брюле, в нашем распоряжении недостаточно сведений о взаимодействии между официальными крепостями и фортами, которые опоясывали и связывали сеть всю Галлию, и фортами, расположенными на самой границе, особенно с учетом того, что инициативы муниципиев и крупных городов не обязательно должны соответствовать общим планам оборонительной системы. Не все укрепленные форты и крепости в пределах Галлии возникли автоматически в результате военного вмешательства, и этот вывод серьезно затрудняет выведение четкой схемы взаимодействий и вообще структуры обороны [24; 50, p. 59]. Именно поэтому выводы часто сводятся к тому, чтобы проводить простое и удобное различие между пограничными фортами, городскими городами, в которых могли или не могли разместиться контингенты, внутренними фортами, сельскими укреплениями и убежищами. Идентификация воинских частей на этих объектах встречается редко, за пределами приграничных казарм и нескольких городских центров, в связи с чем невозможно четко определить количество и размещение германских отрядов.

Таким образом, можно указать, что активизация вторжений на лимесах с 70-х гг. III в. была связана с движением восточных германцев – вандалов, готов, гепидов, герулов и др., вторжения которых, как отмечает В. П. Буданова, вместе с общим ослаблением империи, оказались наиболее разрушительными [3, с. 31]. Именно эта волна вторжений сделала необходимостью реконструировать укрепления и возвести фортификационные сооружения вокруг городов¹⁰ [53, p. 177; 37, p. 177]. Одним из подобных проектов стала известная стена императора Аврелиана.

Увеличивающееся количество разных союзов племен привело к тому, что северная граница распалась на несколько фронтов, что вело именно в западных провинциях к регионализации военных и гражданских интересов. Наиболее пострадавшим регионом была Белгика, и даже политика галльских императоров не сумела предотвратить разорение этой территории, хотя делали все, чтобы восстановить и укрепить оборонительную систему подконтрольных территорий [7, гл. 1.7; 53, p. 179]. Данная секция лимеса не раз перестраивалась, реконструировалась и восстанавливалась в период от правления Галлиена и галльских императоров до императора Аврелиана [25, p. 38].

Декуматские поля были оставлены римлянами в этот же период, хотя попытки контролировать территорию предпринимались, прежде всего, для создания безопасной зоны. Наиболее крупные действия по реконструкции лимесов приходятся на время правления императора Диоклетиана.

Таким образом, ко времени правления Аврелиана ситуация в империи была

чрезвычайно сложной. Германцы обитали на многих ранее римских территориях. Так в междуречье Дуная и Рейна жили аламанны, которые, как уже было сказано, стали заключать союзы и наносить значительный ущерб на Рейнском лимесе. Реции угрожали ютунги, которые не прочь были присоединиться к любой коалиции, но при этом обладали и сами возможностями для нанесения удара, что подробнее и будет рассмотрено в последующих параграфах. Территории совр. Чехии были заняты маркоманнами, Словакии – квадами, в верховьях р. Тисы – вандалы и гепиды, которые граничили с сарматами. На северных границах Дакии рядом с даками соседствовали бастарны, на востоке этой территории – карпы, аланы, готы, в Причерноморье бораны и др., которые, однако, тоже являлись частью Великого переселения.

Однако дискуссионным является вопрос, кто же представлял для Римского государства большую опасность: политически неорганизованные орды германцев или единая империя Сасанидов? Суть проблемы в том, что вторжения на западе и на востоке происходят фактически в одно время. Персы вновь вторглись в Месопотамию в 252 г., изгнали римскую армию на Евфрат и в 254 г. осадили Нисибис. Они оккупировали всю Армению, захватили Сирию и вероломно захватили великий город Антиохию, возможно, в 252–253 гг. Шапур назначил предателю обычную награду: смерть. Римляне столкнулись с самой страшной проблемой для вооруженных сил: одновременной войной на нескольких фронтах.

Что касается армии, то она являлась наиболее подвижной и видоизменяющейся структурой наряду с постоянно меняющимся вооружением [32, ch. 7]. Многие исследователи вполне справедливо считают, что период третьего века являлся периодом изменений для римской армии [14, с. 204]. Исчезают старые военные формирования, изменяется вооружение, тактика, в этот период гораздо быстрее происходит внедрение нового, особенно если это касается как раз вопросов обороны. Явно прослеживается переход частей флота под контроль местным властям и восставшим наместникам. Система августовской армии и флота рухнула под ударами варваров и пиратов [ibid., с. 205], экономия или нехватка финансов на оборону в итоге должна была привести к краху, который и начался после правления Филиппа Араба.

В условиях постоянных вторжений крайней необходимостью для Рима было создание небольших мобильных подразделений. Обширные пространства требовали новой системы обороны, и не только с помощью отрядов, способных быстро перемещаться из одной части в другую, необходимо было укреплять систему лимесов, частично разрушенную к середине III в.

Особенно возрастала роль армии как карательного органа, направленного против «внутреннего врага». Между тем именно в это время армия, этот основной элемент государственного аппарата, показала свою неустойчивость, неповиновение по отношению к центральному правительству. Военные мятежи стали настоящим символом этого времени. Примером чему служит *Legio VI Victrix Hispanesis Pia Fidelis Constans Britannica*, который в третьем веке выполнял полицейские и карательные функции.

Знаменитые легионы остались в виде десяти когорт, теперь каждая из которых насчитывала 555 человек (в первой когорте было 1105 человек), с 726 кавалеристами в тяжелых доспехах и с многочисленными приданными легкими вспомогательными силами, такими как легкая кавалерия. Общая численность войск, вероятно, превышала 7000 человек.

Старое различие между легионами, укомплектованными гражданами, не обязательно из Италии, и вспомогательными войсками (которые не были гражданами, но могли рассчитывать на римское гражданство после почетного увольнения) исчезло в 212 г., когда император Каракалла объявил гражданами всех свободных людей в империи. По-прежнему сохранялось четкое различие между первоклассными сила-

ми, используемыми легионами, и явно второсортными подразделениями различных иррегулярных ополчений. Легионы были снабжены гораздо лучшим снаряжением, почти всегда из железа, в то время как вспомогательные войска часто снабжались дешевыми предметами массового производства [32, ch. 7; 57, p. 104–108]. Вспомогательные войска использовались в основном для охраны границ империи. Процесс варваризации римской армии был запущен давно, просто в это время он стал более стремительным [9, с. 127].

Ко времени Аврелиана стандартный легион был признан слишком негибким для многих целей, и уже вошло в обычай создавать более крупные армейские подразделения из вексилляций, отправляемых из одного легиона для удовлетворения потребностей другого формирования. Во время военных кампаний могли набираться дополнительные отряды кавалерии, лучников, либо передислоцировать их из других легионов. Силы, созданные для осады города, потребовали дополнительных артиллерийских подразделений, преимущественно катапульт или «скорпионов» [32, ch. 7].

В походе армия требовала огромной цепочки поставок, некоторые детали которой дошли до нас только от четвертого века, но все это обеспечивалось своевременно, обычно за счет налоговых сборов натурой с местного сообщества. Армия должна была обезопасить свои пути снабжения на вражеских землях, хотя также можно было добывать продовольствие на ближайших полях [48, p. 178–179], о чем в IV в. упоминает и Аммиан Марцеллин [44, XVI, 11, 11; XVII, 8, 1).

Мы не знаем, каким количеством оружейных складов обладали римляне, но обычно считается, что они были небольшими и управлялись свободными людьми, а не рабами, работавшими по контракту с армией. В условиях общего экономического спада III в. возможно предположить, что многие из этих небольших подразделений прекратили бы производство – или даже не смогли бы направить свою продукцию туда, где она была необходима, – так что квалифицированное производство доспехов и мечей, должно быть, сократилось как раз тогда, когда в них больше всего нуждались¹¹.

Римская армия придавала большое значение дисциплинарным мерам в своих маршевых или боевых порядках, считая, что расхлябанность создает слабости, которые приводят к поражению. Военная дисциплина всегда была суровой, но во время хаоса середины III в. она не просто ослабла, видимо, она перестала существовать, так как некоторые военачальники опасались бунтов, дезертирства и, возможно, предательства (при этом переход в подчинение другому лидеру и выдвижение его императором в этот период сложно рассматривать как предательство, ведь пришедший к власти император *post factum* мог наградить или покарать, как уже упоминалось выше. В то же время в этот период к германским ордам и пиратам, как ярко демонстрирует движение багаудов, присоединялись и дезертиры. Достижением Аврелиана как раз являлось возвращение не только дисциплины, но и дисциплинарного контроля в римскую армию.

Выстроившаяся под своими орлами и драконами в полном вооружении и церемониальных доспехах, начищенных до блеска, римская армия должна была представлять завораживающее своей мощью и единством зрелище. Дексипп описывает это событие, когда Аврелиан решил продемонстрировать боеспособность римской армии варварам [31, De Bell., 1).

Песценний Нигер во время одной кампании заменил серебряную походную посуду на деревянную, булки на сухари, а вино на уксус и хотел даже обезглавить 10 солдат из одной манипулы за то, что те украли и съели курицу, но вместо этого ввёл для них суровые наказания: десятикратная компенсация стоимости курицы и запрещение питания горячей едой и разведения огня в своей палатке во время всего

похода, за чем должны были следить приставленные надсмотрщики. Помимо этого, он распорядился, чтобы солдаты при походах не брали даже золотые или серебряные монеты, а сдавали их в военную казну для обратного получения после кампании.

Аврелиан отличался не меньшей суровостью: за прелюбодеяние с женой арендатора он разорвал солдата на верхушках двух пригнутых к земле деревьев и к тому же написал такое письмо одному из помощников: «Если ты хочешь быть трибуном или если, попросту говоря, хочешь жить, то сдерживай своих солдат. Пусть никто из них не украдёт чужой курицы, не тронет чужой овцы; пусть никто не унесёт кисти винограда, хлебного колоса, не требует себе масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своей законной порцией... Пусть оружие у них будет вычищено, отточено, обувь крепка... Пусть жалование у солдата остается в поясе, а не в кабаке... Пусть он холит своего коня и не продаёт его корма. Пусть солдаты... ничего не дают гадалкам... клязники пусть подвергаются побоям...» [54, XXVI, 7, 5–8].

Как упоминалось выше, римская военная система была разделена на легионы, в которых служили граждане империи, и вспомогательные когорты, укомплектованные рекрутами-негражданами из провинций или окраин империи, которые были лояльны Риму. Две вещи начали менять состав легионов: во-первых, некоторым провинциалам стало предоставляться гражданство в качестве награды, а во-вторых, легионы могли базироваться в отдаленной приграничной провинции в течение нескольких поколений, что давало возможность служить и сыновьям, создавая таким образом профессиональную наследственную основу для армии этого периода. И самое главное, что армия стала все больше привлекаться к несению государственных повинностей [13, с. 645].

В устоявшихся провинциях, с растущим населением, легионы предлагали многим мужчинам привлекательную карьеру. В составе легиона оставалось все меньше италиков и все большее число местных жителей провинций, романизированных варваров, варваров-поселенцев¹².

Вспомогательные когорты, с другой стороны, всегда (за одним редким исключением) набирались из недавно завоеванных племен или неграждан приграничных провинций. В биографии Аврелиана перечисляются отряды в 300 итирейских стрелков, 600 армян, 150 арабов, 200 сарацин и 800 катафрактариев [54, XXVI, 11, 3–4]. Кроме того, существовали различные типы кавалерийских подразделений: *alae*, *vexillationes*, *scholae*, *equites* и др. О численности вексилляций у нас нет никаких сведений, ряд исследователей полагают, что численность *vexillatio* была 500 всадников [8, с. 377].

На лимесах, как уже было сказано, была своя организация войск и их концентрация в зависимости от сложности сектора. Так на Рейне дислоцированы были три легиона в Могонциаке (совр. Майнц), Аргенторате (совр. Страсбург), Кастра Регина (совр. Регенсбург). У каждого лагеря был свой собственный речной порт или пристань и складское помещение, потому что реки являлись важной транспортной артерией не только для торговли, но и для военных нужд. Так, наблюдение за верхним Рейном входило в компетенцию *Classis Germanica*, штаб-квартира которого была в III веке перенесена в Бонну; наблюдение за Северным Дунаем входило в компетенцию *Classis Pannonia*, штаб-квартира которой находилась в Аквинкуме (совр. Будапешт)¹³, побережье и Ла-Манш – *classis Britannia*, одна из стоянок которого находилась, судя по археологическим данным, в Булони-сюр-мер. Центральная база располагалась в порту Гезориак на побережье Ла-Манша и в Дюбре на побережье Британии. Задачами *classis Britannica* было патрулирование берега Британии и охрана пролива. На этом же побережье находился ряд фортов, в которых были расквартированы пехотинцы, кавалерия и моряки [34, р. 423]. Причем, эти форты

находились близ городов: Булонь (Ла-Манш, Франция), Уденбург (Зап. Фландрия, Бельгия), Варсенаре (Фландрия, Бельгия), Румст (недалеко от Антверпена, Бельгия), Катвийк (южное побережье, Нидерланды) [ibid.]. Дорога соединяла форты один с другим и связывала с внутренней частью лимеса через дорожную развязку Булонь, Кассель (Германия), Бавы (Франция) и Тонгерен (Бельгия). Базы флота располагались и в других важных частях, в частности, в Александрии. Отсюда возможно было противодействовать морским пиратским рейдам готов, что и сделал Клавдий II Готский, обеспечивая защиту Восточного Средиземноморья и района Эгейского моря [35; 59, p. 70].

Это подтверждает секторность оборонительной системы, уничтожение одной части которой позволяло функционировать остальным. Эта же система привлекала гражданское население, благодаря которому создавались поселения (*vici*), организовывалась торговля¹⁴, функционировали ремесленные производства [48, p. 179]. Ведь изначально стены и укрепления предназначались для контроля перемещений через границу, и уже после активизации германских вторжений стали менять и свой облик. Однако гражданское население в той или иной степени было задействовано в функционировании оборонительной системы, хотя солдаты и сами занимались ремесленным производством - практиковались все виды ремесленной деятельности - от плотницкого до металлообработки, от изготовления обуви до выделки кожи, о чем свидетельствуют археологические раскопки [12, с. 111–112; 57, p. 103–104]. Но, помимо этого, в лагере всегда было много вспомогательного персонала и ремесленников, которыми могли быть ветераны и простые солдаты.

Но уже к началу III в. торговые дни были отменены и германцам запретили торговать на римской территории. Все торговые операции могли проходить только за пределами Империи. Римлянам торговля с германцами приносила не только экономические, но и политические выгоды. Торговые контакты позволяли ближе познакомиться и изучить эти племена, присмотреться к этому потенциальному противнику. Римские купцы проникали вглубь варварской земли. При этом немалая часть доходов от торговли концентрировалась в руках варварской знати.

Торговля была ограничена не только определенными местами, но и определенными днями, известными из надписей, или была полностью запрещена [49, LXXII, 11, 13; 15; 19, 2; 30, VIII, 6357], впоследствии запрет торговли использовался как метод воздействия на варваров [44, XXVII, 5, 7]. Варвары, которым разрешался въезд для более длительного посещения в качестве сезонных рабочих, обещали свое хорошее поведение под присягой перед офицером пограничной службы [21, Ер. 46], а смешанные браки с варварами были запрещены, по крайней мере, в 368 г. [29, III, 14, 1]. Однако все эти меры лишь способствовали изоляции германцев и сохранению линии «отчуждения» между римлянами и варварами.

Армия нуждалась в контроле над лесами и каменоломнями и должна была отправлять отряды квалифицированных людей для надзора за осужденными, преступниками, занятыми на всех тяжелых работах [43, p. 27–30].

В каждом форте были зернохранилища, но на самом деле они были общими складами, поскольку в них хранились всевозможные продукты питания, а не просто амбары, заполненные мешками с зерном. Чтобы еще больше уменьшить воздействие сырости, зернохранилища были подняты на столбах, что позволяло циркулировать воздуху. Кроме того, дополнительная нагрузка на поставку фуража ложилась на провинции и соседние поселения. Особое пространство требовалось и для кавалерии.

Одной из важных составляющих римской администрации на границах были ветераны¹⁵, которые при необходимости вновь становились в ряды римской армии. Как ветеран солдат получал ряд важных привилегий, которые время от времени

различались согласно длительности его службы, его рангу при увольнении и статусу части, в которой он служил. В III в. экономические привилегии ветеранов, в связи с общей налоговой политикой Империи, были сокращены, что в известной мере может служить объяснением роста недовольных среди военных.

Таким образом, в течение III в. римская армия, ее структуры, вооружение и оборонительная система под воздействием внешних факторов последовательно изменялись. В этот процесс оказались задействованы территориальная и административная система, социальная структура и экономика Римского государства. Так эдикт Каракаллы объявлял проживающих на территории Римской империи гражданами, кроме тех, кто выступал против Рима с оружием в руках¹⁶. Однако еще ранее Септимий Север провел ряд реформ, разрешив солдатам иметь семью, обзаводиться хозяйством, сделал особую ставку на пограничные форты, мало того, стало возможным негражданам занимать командные посты. Необходимость замены вооружения и тактики исходила из реалий военных действий, на что и указывает А. В. Банников [1], зависела от этносов, являвшихся частью этой армии, внешних контактов, хотя, в принципе, в этом и заключалась идентичность римской армии, которая еще с древности умела приспосабливаться для достижения превосходства над врагами.

В попытках сохранить идентичность, эти системы должны были быстро приспосабливаться к реалиям и требованиям времени, но это не всегда получалось из-за нестабильности политической власти, постоянной смены императоров, и тогда реформы становились необходимостью, но не для того, чтобы вернуться к старому, а для того, чтобы армия оставалась боеспособной, а Римская империя могла сохранять свои прежние границы, поскольку она оказалась на шаг от разрушения: на западе существовала «Галльская империя», по течению рек бесчинствовали пираты, на суше – разбойники, через лимесы то и дело прорывались орды варваров, на востоке территории контролировало Пальмирское царство, персы не оставили идею захвата территорий. Победы над германцами в 269–270 гг. на Рейне и Дунае, а также другими племенами в Поднестровье и Северном Причерноморье стали не просто триумфом Рима [3, с. 38], вместе с другими факторами они определили дальнейшее развитие Римской империи, ее сближение с варварским миром [45], позволив отступить от пропасти, у края которой она находилась.

Примечания

1. Подобный договор был у Рима с квадами [55, Hist., I, 2; 33, VIII, 8, 2].
2. В состав аламаннского объединения входили гермундуры, семноны, ютунги, брисигавы, буцинобанты.
3. Так император Клавдий II получил когномен Готский, а императоры в своей титулатуре новый титул *Gothicus Maximus*, появляются на монетах и соответствующие легенды, в частности *Victoria Gothica*. [51, Aurelian., 339].
4. Батавы – западногерманское племя. В I в. н. э., возглавляемые Юлием Цивилисом, подняли против Рима мятеж, к которому примкнули соседние германские и кельтские племена, а также часть римских солдат. После разгрома этого восстания батавы привлекаются на военную службу Римской империей. Они славились как искусные всадники и матросы. Преимущественно из них состояли императорские телохранители. К IV в. батавы слились с франками в один народ [2, с. 162].
5. Об этом свидетельствует легенда *HERCVLES DEVSONIENSIS*, появившаяся на монетах Постума после победы над франками в области Деузон. [51, Postumus, 20, 98, 99].
6. Доказательством этого факта может служить легенда, встречающаяся на монетах Постума, – *HERCVLES MAGVSANVS*, которая в эпиграфических данных связана с Нептуном, покровителем навигации. [51, Postumus, 68, 139].
7. Декуматские поля были присоединены при Домициане, при котором был построен участок лимеса от р. Лан до впадения Киндига в Майн. При Траяне – участок между Майном и Неккаром.

8. Точнее, Дунайско-Ретийский, потому что отдельные секции Ретийской линии обороны считались его частью.
9. Дунайский лимес, особенно Дакия были опутаны таким количеством крепостей, что, по мнению, Кругликовой И. Т., вся провинция напоминала единый военный лагерь. [6, с. 133–135]
10. В 274/5 гг. вандалы, франки, бургунды, аламанны разрушили Трир и другие города, такие как Ле Ман, Тур, Орлеан, Пуатье.
11. Император Диоклетиан организовал производство армейского оружия и доспехов под контролем государственной администрации.
12. Согласно исследованиям, из 2056 посвящений в легионеры, относящихся ко второй половине II в., только тридцать семь были итальянского происхождения. [32, Ch. 8].
13. Улучшение судоходства на Нижнем Дунае было связано со строительством во II в. обводного канала и расширение дополнительных стоянок для флота, однако в III в. это способствовало проникновению варварского флота. [12, С. 156].
14. Эффект от этой торговли был двусторонним, но и отсроченным, ведь это был способ воздействия и проникновения римской культуры, сближения двух миров. [23].
15. Особая роль отводилась ветеранам в сложных регионах с беспокойной внутренней и внешней обстановкой, как, например, в придунайских провинциях, в Дакии. [18, с. 263].
16. Ранович А. Эдикт... С. 66–80; Штаерман Е. М. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 81–88.

Список источников и литературы

1. Банников А. В. К вопросу об изменениях в римской военной тактике и вооружении в эпоху Поздней Империи // Античный мир и археология. 2009. Вып. 11. С. 271–289.
2. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / отв. ред. В. И. Уколова. М.: Наука, 2000. 540 с.
3. Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 334 с. (Византийская библиотека).
4. История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. Т. 1: Древняя Европа. М.: Наука, 1988. 703 с.
5. Кольцова О. Н. Римские колонии на Рейне и Дунае // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». 2012. № 11. Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18360> (дата обращения: 25.04.2024).
6. Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 168 с. (Причерноморье в античную эпоху / под ред. проф. В. Н. Дьякова; вып. 8).
7. Куликова Ю. В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб.: Алетейя, 2012. 269 с. (Античная библиотека. Исследования).
8. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / [пер. с фр. М. Н. Челинцевой]. М.: Росспэн, 2001. 398 с.
9. Махлаюк А. В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 123–130.
10. Ранович А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 66–80.
11. Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи : учеб. пособие. Казань: КГПИ, 1984. 81 с.
12. Рубцов С. М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II века н. э.). СПб.: Петербург. востоковедение ; М.: Филоматис, 2003. 245 с.
13. Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима : [учеб. пособие для ист. фак. : в 2 ч.]. Ч. 2: [Империя]. М., 1938. 372–832 с.: карты.
14. Старр Ч. Флот Римской империи. Роль военно-морских сил в поддержании обороноспособности и сохранения античного государства со времен Октавиана Августа и до

- Константина Великого (31–324 гг.) / пер. с англ. И. А. Игореvского. М.: Центрполиграф, 2015. 285 с.
15. Циркин Ю. Б. Политическая история Римской империи : в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 585 с.
 16. Штаерман Е. М. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 81–88.
 17. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 512 с.
 18. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска // Вестник древней истории. 1946. № 3 (17). С. 256–266.
 19. L'Année épigraphique: Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine. Paris, 1888–1916.
 20. Aubin G. Du bon usage des découvertes archéologiques : trésors et pirates // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1978. Т. 85, № 1. P. 5–18.
 21. Augustin Sanc. Epistula de libris de civitate dei // The Latin Library : [electronic library]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/augustine/epistula.shtml> (date of request: 03.08.2024).
 22. Baatz D. Der Romische limes: Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. Berlin: Mann, 1975. 307 p.
 23. Birley A. R. The economic effects of Roman frontier policy // The Roman West in the third century. Part 1–2 / ed. A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part 1. P. 39–54.
 24. Brulet R. The Roman army and military defence in Northern Gaul and the Germanic provinces during the Late Empire // Social Dynamics in the Northwest Frontiers of the Late Roman Empire: Beyond Transformation or Decline / ed. N. Roymans, S. Heeren, W. De Clercq. Amsterdam, 2017. P. 39–56. (Amsterdam Archaeological Studies, 26).
 25. Brulet R. La militarisation de la Gaule du Nord au Bas-Empire et les petites agglomérations urbaines de Famars et de Bavay // Revue du Nord. 1995. Archéologie. Т. 77, № 313. P. 55–70.
 26. Callu J. P., Lorient X. L'or monnayé. Т. 2: La dispersion des aurei en Gaule Romaine sous L'Empire / Centre de recherches archéologiques. Paris: A.P.D.C.A., 1990. 591 p.
 27. Callu J. P. La politique monétaire des Empereurs romains de 238 à 311. Paris, 1969.
 28. Claudianus Claudius. Opera: Vol. I–II. Cambridge, 1922.
 29. Codex Theodosius // The Latin Library : [electronic library]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/theodosius.html> (date of request: 11.09.2024).
 30. Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini, 1863–. Electronic version. URL: <https://cil.bbaw.de/en/homenavigation/the-cil/volumes> (date of request: 11.09.2024).
 31. Dexippus. Fragmenta // FHG. 1841. Vol. III. P. 606–687.
 32. Elliott P. Legions in Crisis: Transformation of The Roman Soldier AD 192–284. London, 2014. 160 p.
 33. Eutropius. Eutropii breviarium ab urbe condita / ed. C. Santini (Teubner). Leipzig, 1979. 87 p.
 34. Gansbeke P., van. La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle ap. J.C. // Latomus. 1955. Т. XIV. P. 405–425.
 35. Gricourt D. Les Incursions de pirates de 268 en Gaule septentrionale et leurs incidences sur la politique de Postume. A propos du hiatus numismatique d'Ardres // TMon. 1988. Vol. X. P. 39–42.
 36. Herodiani ab excessu divi Marci : libri octo / ed. L. Mendelssohn. University of California: B. G. Teubner, 1883. 255 p.
 37. King A. Roman Gaul and Germany. The University of California press, 1990. 240 p.
 38. Konen H. K. Classis Germanica. Die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr. St. Katharinen, 2000. 578 p.
 39. Krier J. Die Treverer außerhalb ihrer Civitas: Mobilität und Aufstieg. Trier: Selbstverlag des Rheinischen Landesmuseums, 1981. 206 p. (Trierer Ztschr. Für Geschichte u. Kunst des Trierer Landes u. Seiner Nachbargebiete; Beih. 5).
 40. Lafaurie J. L'Empire Gaulois apport de la numismatique // ANRW. 1975. II / 2. P. 855–1012.

41. Mackensen M. Raetia: late Roman fortifications and building programmes // Creighton J. D., Wilson R. J. A. Roman Germany. Studies in Cultural Interaction Portsmouth, 1999. P. 199–244. (JRA. Suppl. 32).
42. MacMullen R. Barbarian Enclaves in the Northern Roman Empire // L'antiquité classique. 1963. T. 32, fasc. 2. P. 552–561.
43. MacMullen R. Soldier and Civilian in the later Roman Empire. Harvard University Press, 1963. 217 p.
44. Marcellinus Ammianus. Res Gestae / ed. J. C. Rolfe. London, 1963. (Loeb).
45. Milet M. Whose crisis? The Archaeology of the third century: A warning // The Roman West in the third century. I-II Part / ed. A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 525–529.
46. Notitia Dignitatum. Hannover, 1962.
47. Orosius Paulus. Historiae adversus paganos / ed. C. Zangemeister. Leipzig: Teubner, 1889. 371 p.
48. Petrikovich von H. Fortifications in the north-western Roman Empire from the third to the fifth century A.D. // JRS. 1971. Vol. 61. P. 178–218.
49. Post Dionem excepta ex Anonymo. Aurelianus // FHG. 1851. Vol. IV. P. 191–199.
50. Reddé M., Brulet R., Fellmann R., Haalebos Jan Kees & von Schnurbein S., L'architecture de la Gaule romaine: les fortifications militaires. Ausonius, Bordeaux, 2006. 471 p. (Documents d'Archéologie Française, 100 ; L'architecture de la Gaule romaine, 1).
51. The Roman Imperial Coinage: T. V. / P. Webb, H. Mattingly, E. Syderman. London, 1968.
52. The Saxon Shore / ed. D. Johnston. London, 1977. 92 p.
53. Schönberger H. The Roman frontier in Germany // JRS. 1969. № 59. P. 144–97.
54. Scriptores Historiae Augustae / P. Magie. London, 1954. Vol. 1–3. (Loeb).
55. Tacitus Cornelius Publius. Annales. Historia et alt // The Latin Library : [electronic library]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> (date of request: 02.05.2022).
56. Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus / recensuit F. Pichlmayr. Leipzig: Teubner, 1970. 226 p.
57. Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study. London, 1994. 341 p.
58. Whittaker D. L'importance des invasions du Bas-Empire : peut-on faire confiance aux historiens? // Revue du Nord. 1995. Archéologie. T. 77, № 313. P. 11–20.
59. White J. F. Restorer of the World: The Roman Emperor Aurelian. Staplehurst: Spellmount, 2005. 198 p.
60. Zonaras. Epitome Historiarum / ed. F. Dindorf. Leipzig, 1870. 418 p.
61. Zosimus. Historia Nova / ed. F. Paschoud. Paris: Les Belles Lettres, 1971. 320 p.

References

1. Bannikov, AV 2009, 'K voprosu ob izmeneniyakh v rimskoy voyennoy taktike i vooruzhenii v epokhu Pozdney Imperii' (On the issue of changes in Roman military tactics and weapons during the Late Empire), in *Antichnyy mir i arkheologiya* (The Ancient World and Archaeology), issue 11, pp. 271–289. (In Russ.)
2. Budanova, VP & Ukolova, VI (ed.) 2000, *Varvarskiy mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov* (Barbarian World of Peoples Great Migration Epoch), Moscow "Nauka" publ, Moscow. (In Russ.)
3. Budanova, VP, Gorskiy, AA, Ermolova, IE 2011, *Velikoye pereseleniye narodov. Etnopoliticheskiye i sotsial'nyye aspekty* (The Great Migration of Peoples. Ethnopolitical and Social Aspects), Vizantiyskaya biblioteka (Byzantine Library), Aleteya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. *Istoriya Evropy* (History of Europe) 1988, vol. 1, Drevnyaya Evropa (Ancient Europe), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Koltsova, ON 2012, 'Rimskie kolonii na Reyne i Dunaye' (Roman colonies on the Rhine and Danube), *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. (Modern scientific research and innovation), viewed 25 April 2024, <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18360> (In Russ.)

6. Kruglikova, IT 1955, *Dakiya v epokhu rimskoy okkupatsii* (Dacia in the era of Roman occupation), Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kulikova, YuV 2023 [2012], «*Gallskaya imperiya*» ot Postuma do Tetricov. («Gallic Empire» from Postumus to Tetricks), Aleteya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Le Bohec, Y 2001, *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii* (The Roman army of the Early Empire), trans. MN Cheklintseva, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
9. Makhlayuk, AV 2002, 'Protsess «varvarizatsii» rimskoy armii v otsenke antichnykh avtorov' (The process of «barbarization» of the Roman army in the assessment of ancient authors), *Antichnyy mir i arkheologiya* (The Ancient World and Archaeology), no 11, pp. 123–130. (In Russ.)
10. Ranovich, A 1946, 'Edikt Karakally o darovanii rimskogo grazhdanstva naseleniyu imperii' (Edict of Caracalla on the granting of Roman citizenship to the population of the empire), *Vestnik drevney istorii* (Bulletin of Ancient History), no. 2, pp. 66–80. (In Russ.)
11. Remennikov, AM 1984, *Borba plemen Severnogo Podunavya i Podnestrovyia s Rimom i ee rol v padenii Rimskoy imperii*. (The struggle of the tribes of the Northern Danube and Dniester regions with Rome and its role in the fall of the Roman Empire), KGPI publ, Kazan. (In Russ.)
12. Rubtsov, SM 2003, *Legiony Rima na Nizhnem Dunaye: Voyennaya istoriya rimskodakiyskikh voyn (konets I – nachalo II veka n.e.)* (Legions of Rome on the Lower Danube: Military history of the Roman-Dacian wars (late 1st – early 2nd century AD)), "Peterburgskoye vostokovedeniye" publ, St. Petersburg; "Filomatis" publ, Moscow. (In Russ.)
13. Sergeev, VS 1938, *Ocherki po istorii Drevnego Rima* (Essays on the history of Ancient Rome.), part 2, OGIZ-Sotsekgiz publ, Moscow. (In Russ.)
14. Starr, CG 2015, *Flot Rimskoy imperii. Rol' voyenno-morskikh sil v podderzhanii oboronosposobnosti i sokhraneniya antichnogo gosudarstva so vremen Oktaviana Avgusta i do Konstantina Velikogo (31–324 gg.)* (The Roman Imperial Navy: 31 B.C. – A.D. 324), trans. IA Igorevsky, ZAO "Tsentrpoligraf" publ, Moscow. (In Russ.)
15. Tsirkin, YuB 2019, *Politicheskaya istoriya Rimskoy imperii* (Political history of the Roman Empire), in 2 vols, vol. 2, Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gerzena publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Shtayerman, EM, 1946, 'K voprosu o dediticii v edikte Karakally' (On the issue of *dediticii* in the edict of Caracalla), *Vestnik drevney istorii* (Bulletin of Ancient History), no. 2, pp. 81–88. (In Russ.)
17. Shtayerman, EM 1957, *Krizis rabovladelcheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* (The crisis of the slave system in the western provinces of the Roman Empire), Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
18. Shtayerman, EM 1946, 'Etnicheskiy i sotsial'nyy sostav rimskogo voyska' (Ethnic and social composition of the Roman army), *Vestnik drevney istorii* (Bulletin of Ancient History), no. 3(17), pp. 256–266. (In Russ.)
19. *L'Année épigraphique : Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine* 1888 –, Paris. (In French, Latin, Greek)
20. Aubin, G 1978, 'Du bon usage des découvertes archéologiques : trésors et pirates', *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*, vol. 85, no. 1, pp. 5–18. (In French)
21. Augustin Sanc 2024, *Epistula de libris de civitate dei*, viewed 03 August 2024, <https://www.thelatinlibrary.com/augustine/epistula.shtml> (In Latin)
22. Baatz, D 1974, *Der Römische limes*. Berlin. (In German)
23. Birley, AR 1981, *The economic effects of Roman frontier policy*, in A King & M Henig (eds.) *The Roman West in the third century. I–II Part*, (BAR, 4), London, part 1, pp. 39–54.
24. Brulet, R 2017, The Roman army and military defence in Northern Gaul and the Germanic provinces during the Late Empire, in N Roymans, S Heeren & W De Clercq (eds.) *Social Dynamics in the Northwest Frontiers of the Late Roman Empire*, *Amsterdam Archaeological Studies* 26, Amsterdam, pp. 39–56.
25. Brulet, R 1995, 'La militarisation de la Gaule du Nord au Bas-Empire et les petites agglomérations urbaines de Famars et de Bavay', *RevNord. Archéologie*, vol. 77, no. 313, pp. 55–70. (In French)
26. Callu, JP 1990, *L'or monnayé*. Vol. II. La dispersion des aurei en Gaule Romaine sous L'Empire, Centre de recherches archeol. publ, Paris. (In French)

27. Callu, JP 1969, *La politique monétaire des Empereurs romains de 238 à 311*. Paris. (In French)
28. Claudianius Claudius, 1922, *Operae*: I–II Vol. Cambridge.
29. *Theodosian Code (Imperatorii Theodosiani Codex = The Theodosian Code)*, viewed 11 September 2024, <https://www.thelatinlibrary.com/theodosius.html> (In Latin)
30. *Corpus Inscriptionum Latinarum* 1863–, Berolini. (In Latin, in ancient Greek)
31. Dexippus 184, 'Fragmentae', *FHG*, vol. 3, pp. 606–687. (In Latin)
32. Elliott, P 2014, *Legions in Crisis: Transformation of The Roman Soldier A.D. 192–284*, London.
33. Eutropius 1979, *Breviarium Ab urbe condita* (A breviary of Roman history from the building of Rome, to the year 1119), C Santini (ed.), Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
34. Gansbeke van, P 1955, 'La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle ap. J. C.', *Latomus*, vol. 14, pp. 405–425. (In French)
35. Gricourt, D 1988, 'Les Incursions de pirates de 268 en Gaule septentrionale et leurs incidences sur la politique de Postume. A propos du hiatus numismatique d'Ardres', *Tmon*, vol. 10, pp. 39–42. (In French)
36. Herodian 1883, *Ab excessu divi Marci libri octo*, University of California publ (In Latin, in ancient Greek)
37. King, A 1990, *Roman Gaul and Germany*, Berkeley Univ. of California press.
38. Konen, HK 2000, *Classis Germanica. Die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr.* St. Katharinen. (In German)
39. Krier, J 1981, 'Die Treverer außerhalb ihrer Civitas: Mobilität und Aufstieg', *Trierer Ztschr. Für Geschichte u. Kunst des Trierer Landes u. Seiner Nachbargebiete; Beih.* 5, Trier. (In German)
40. Lafaurie, J 1975, 'L'Empire Gaulois apport de la numismatique', *ANRW*, vol. 2, pp. 855–1012. (In French)
41. Mackensen, M 1999, 'Raetia: late Roman fortifications and building programmes', *Roman Germany. Studies in Cultural Interaction (JRA. Suppl. 32)* ed. J. D. Creighton, R. J. A. Wilson, Portsmouth, pp. 199–244.
42. MacMullen, R 1963, 'Barbarian Enclaves in the Northern Roman Empire', *L'antiquité classique*, vol. 32, fasc. 2, pp. 552–561.
43. MacMullen, R 1963, *Soldier and Civilian in the later Roman Empire*. Cambridge.
44. Marcellinus, Ammianus 1963, *Res Gestae*, ed. J.C. Rolfe, Loeb publ, London. (In Latin)
45. Milet, M 1981, 'Whose crisis? The Archaeology of the third century: A warning', *The Roman West in the third century*, vols. 1–2, A King & M Henig (eds.), London, pp. 525–529.
46. *Notitia Dignitatum* 1962, Hannover. (In Latin)
47. Orosius, Paulus 1889, *Historiae adversus paganos*, ed. C. Zangemeister, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
48. Petrikovich von, H 1971, 'Fortifications in the north-western Roman Empire from the third to the fifth century A. D.', *JRS*, vol. 61, pp. 178–218.
49. Excerpta ex Anonymo 1851, 'Post Dionem', *FHG*, vol. 4, pp. 191–199.
50. Reddé, M, Brulet, R, Fellmann, R, Haalebos, J-K, Von Schnurbein, S & Aupert, P 2006, *L'architecture de la Gaule romaine : les fortifications militaires*, Documents d'Archéologie Française, Éditions de la Maison des sciences de l'homme publ, Paris. (In French)
51. Webb, P, Mattingly, H & Syderman, E 1968, *The Roman Imperial Coinage*, vol. 5, London.
52. Johnston, D (ed.) 1977, *The Saxon Shore*, London.
53. Schönberger, H 1969, 'The Roman frontier in Germany', *JRS*, no. 59, pp. 144–197.
54. Magie, P (ed.) *Scriptores Historiae Augustae*, Loeb publ, London. (In Latin)
55. Tacitus Cornelius Publius, *Annales. Historia et alt*, viewed 02 November 2024, <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> (In Latin).
56. Victor Sextus Aurelius 1970, *Liber de Caesaribus*, ed. F. Pichlmayr, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
57. Whittaker, CR 1997, *Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study*, London.
58. Whittaker, D 1995, 'L'importance des invasions du Bas-Empire: peut-on faire confiance aux historiens?', *RevNord. Archéologie*, vol. 77, no. 313, pp. 11–20. (In French)
59. White, JF 2005, *Restorer of the World: The Roman Emperor Aurelian*, Tempus Publishing.

60. Zonaras 1870, *Epitome Historiarum*, F Dindorf (ed.), Leipzig. (In Latin)
61. Zosimus 1971, *Historia Nova*, F Paschoud (ed.), Paris. (In Latin)

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024
Одобрена после рецензирования: 21.01.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 15.10.2024
Approved after reviewing: 21.01.2025
Accepted for publication: 10.03.2025